

рѣчи, что онъ даже сообразить не успѣетъ, ругается это человекъ, или шутки свои шутить начинаетъ; а Ермолай Ивановичъ вскакиваетъ съ мѣста, торопливо бѣгаетъ по комнатамъ, то и дѣло запахивая полы своего расползающагося балахона и ругается, — душу отводитъ.

— Да какъ же ты не мошенникъ?.. Да еще поискать такихъ-то плутовъ, какъ ты!.. Видѣлъ я онамеднись какъ ты рожь у мужиковъ принималъ... Еще чортъ тебя знаетъ, какая тамъ у тебя мѣра, ну да ужъ это у васъ и въ счетъ нейдетъ! Такъ вѣдь этого имъ мало! Онъ поставилъ мѣру то на плохонькія дощечки, — одинъ молодецъ у него зерно въ эту мѣру сыплеть вѣрхомъ, а другой то и дѣло, будто за дѣломъ по мосткамъ мычится. Мѣра извѣстно дрожить, рожь съ нея плыветъ внизъ подъ доски, ну а ужъ тамъ подобрать дѣло хозяйское!.. По горсточкѣ, да по горсточкѣ, мужику молъ не видно, а намъ разсчета!.. Сколько этакъ-то за утро мѣрочекъ Господь Богъ послалъ?.. Нельзя, слышь, дѣло по чести дѣлать?..

Лабазникъ до сихъ поръ въ восторгѣ отъ своей выдумки. Онъ забылъ даже, что его обругалъ Ермолай Ивановичъ. Онъ очень радъ, что послѣдній такой догадливый человекъ, что даже эту хитрую механику усмотрѣлъ.

— Ну, братецъ ты мой, быть бы торговцемъ въ самый разъ, ей Богу!.. Сразу проникъ!.. А ничего — перепадаетъ, что Бога гнѣвить!..

— Перепадаетъ!.. А, скажите! — перепадаетъ!.. Курочка по зернышку клюетъ?.. Ахъ, живодеры проклятые, пропасти на васъ нѣту!.. Ты у кого горсти-то эти укралъ?.. Вѣдь онѣ по томъ — кровью политы!.. Вѣдь ты этими горстями-то на томъ свѣтѣ подавишься идошь!.. А вѣдь небось подъ постный день съ женой не цѣлуется, — какъ же съ, грѣхъ!.. Каждый праздникъ толстую свою рожу предъ Божимъ алтаремъ уставить, молится земными поклонами; колоколъ въ соборъ пожертвовалъ!.. Да вѣдь одна твоя рожа Господу Богу оскорбленье!..

— Ты тоже, Ивановичъ, не охальничай! — успѣваетъ наконецъ вставить лабазникъ свое словечко сквозь неудержимо-рвущуюся бурю злобныхъ восклицаній.

— Ты не охальничай, ты!.. Хотя паскудныхъ-то словъ своихъ не говори по крайности!.. А то ишь ты: жить на семъ свѣтѣ нельзя, вездѣ обманы!.. Истинно, что вездѣ обманы!.. Кому лучше знать, — самъ первый обманщикъ!..

Лабазникъ молча встаетъ, плюетъ презрительно въ сторону и уходитъ.